

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 008

А.Н. БЫСТРОВА

Культура как системная целостность

В статье культура рассматривается как состояние человеческого бытия, включающего динамику и статику, разворачивающегося как во времени, так и в пространстве, в единстве и уникальности каждого из ее элементов.

Ключевые слова: *культура, системная целостность, культурное пространство, изотропность, культурная монада.*

Среди всех определений культуры редко можно обнаружить такой принцип определения, который рассматривал бы культуру в качестве системной целостности. Попытки такого определения были сделаны в современной науке, где культура характеризовалась как:

- общий образ жизни народа, социальное наследство, которое индивид получает от своей группы (К. Клакхон);
- культурный аспект сверхорганического универсума, охватывающий представления, ценности, нормы, их взаимодействие и взаимоотношения (П. Сорокин);
- система, организованная для решения возникающих перед обществом проблем (Дж. Форд).

В этот ряд можно поставить и определение Л. Кертмана, который предполагает, что культура – это духовное бытие человека.

Однако представляется, что и в этих, несомненно новаторских и сущностных, идеях сквозит все же некая отделенность частей культуры друг от друга, некая грань, которая иногда отсекает те стороны культуры, которые невозможно оставлять за ее пределами. Например, если представлять культуру как только духовное бытие человека, то можно вывести за скобки, к примеру, рутинную материальную деятельность. Вряд ли она может быть отнесена к тому, что называется «не-культурой» – к природной компоненте человеческой деятельности. А уровень духовности в такого рода деятельности если не исключен вовсе, то присутствует в ней в качестве некоего рудимента. Поэтому предлагается несколько иной взгляд на культуру. С нашей точки зрения, *культура — это состояние человеческого бытия.* Это определение не является, по нашему мнению, еще одной дефиницией среди многих, поскольку мы пытаемся обобщить имеющийся опыт определений и представить культуру в целом как одну из разновидностей бытия человека. В этом смысле уже существует попытка определить культуру через понятие бытия. Например, Э.С. Маркарян предлагал рассматривать культуру как способ бытия. В этом определении разница лишь в одном термине, однако она решительно изменяет

смысл. Если культура является лишь способом человеческого бытия, то ей отводится некая вторичная роль. Представляется, что такого рода понимание культуры исходит из положения о «вторичности» всякой гуманитарной стороны человеческой жизни, а кроме этого, также из общего деятельностного взгляда на общество и культуру.

У определения культуры как человеческой деятельности есть сильная сторона. Она заключается в том, что именно деятельность лежит в основе всякой жизни. Подчеркнем: всякой. Живое вообще проявляет любого рода активность, как говорил Лейбниц, потенциальную или реальную. Естественно, что не всякая активность может быть понята как культура. Именно здесь и появляется разграничение человеческой деятельности и активности животного мира. Совершенно бесспорным является и тот факт, что в результате человеческой деятельности возникает новое качество, которого не было в природном контексте. Таким образом, деятельностное определение культуры так или иначе сливается с определением культуры по результатам деятельности, поскольку логика этих рассуждений перемещает акцент с процесса на результат. Два различных основания невольно соединяются в рассуждениях такого рода. У сторонников деятельностного подхода есть для этого соответствующий аргумент: всякий результат человеческой деятельности – это опредмеченное знание, опредмеченный труд. И это положение также бесспорно.

Однако же, рассматривая знаковые системы, пытаюсь осмыслить культуру как текст, мы начинаем видеть в ней явления, не выходящие за ее пределы, но не удовлетворяющие ни представлениям об опредмеченной деятельности, ни поискам результатов этой деятельности. Речь идет о таких явлениях, как отношения к цвету, звуку или запаху, о тех элементах проксемики, о которых традиционно говорится при анализе культурного пространства коммуникации. Никто не создавал специально какого-либо особого способа дистанцирования людей друг от друга, кроме тех, кто строит разного рода сооружения. У каждого народа и для каждой формы общения расположение людей в процессе коммуникации *вырабатывалось* вполне стихийно и в этой связи не несет на себе ни деятельностного, ни результативного начала. «Достаточно обратить внимание, — пишет У. Эко, — на тот несомненный факт, что расстояние друг от друга, на котором случается находиться беседующим обитателям романских стран, не связанным между собой никакими личными интимными отношениями, считается в США откровенным вторжением в частную жизнь» [6, с. 314]. И далее: «Многие пространственные детерминации, имеющие значение для американцев, ничего не говорят немцу. <...>. Значение открытой или закрытой двери радикально меняется в зависимости от того, находишься ты в Нью-Йорке или в Берлине» [6, с. 318].

Точно так же обстоит дело и с кинезикой: жесты и телодвижения, походка, покачивание головой — все это не является ни особой деятельностью (виды деятельности приходится по традиции делить на практическую, теоретическую и практически-духовную), ни результатом, полученным в процессе этой деятельности. Их возникновение и существование стихийно, это — элементы пралингвистики, но смысловая их сторона не обусловлена никакими потребностями деятельности. Например, одни и те же жесты имеют у разных народов совершенно различный смысл, а кроме них есть еще множество движений головы, рук, лица, которые оказываются значимыми лишь для данного культурного контекста. Если они не зафиксированы в искусстве танца или пантомимы, то, повторим, ни характеристик деятельности, связанной с целеполаганием, ни характеристик результата, как достижения цели, они на себе не несут. Поэтому культура — это не просто *способ* бытия общества, а именно *состояние* этого бытия.

Понимание культуры как состояния человеческого бытия позволяет включать в себя как временные характеристики, при которых мы видим этапность развития культуры, ее изменчивость, так и пространственные формы существования. Эти, последние, позволяют рассмотреть культуру во всем многообразии ее форм, видов, этнических, социальных, знаковых и иных характеристик. Мы приняли в качестве основного направления анализа именно пространственные характеристики культуры вследствие того, что они позволяют увидеть этот феномен более полно, в богатстве и разнообразии всех ее сторон. Философский анализ культуры, базирующийся на темпоральных формах ее существования, обладает определенного рода ограниченностью. Время текуче, оно всегда является моментом, постоянно становящимся, но никогда не ставшим. Банально известное утверждение «прошлого уже нет, будущего еще нет» тем не менее является справедливым, поскольку континуальность доступна только пространственным формам. В этой связи они оказываются оптимальными для рассмотрения такой сверхсложной структуры, какой и является культура. Именно в пространственной определенности «схватывается» культура как системная целостность.

Кроме того, именно пространственная парадигма рассмотрения культуры позволяет выделить в ней одну из необходимейших сторон культурного процесса – изотропность, характерную для любого культурного феномена, обладающего потенциально возможностями любого направления развития. Это позволяет проследить не только статику культуры, но и ее последующую динамику, в которой могут найти свое продолжение практически все единицы, «монады» культурной однородности, составляющей специфику каждой данной культуры.

Отметим основные формы пространственных характеристик культуры. Прежде всего это локализация культуры, в которой значимо все: от среды обитания до форм освоения природы человеком. В отношениях со средой обитания человек обретал собственную видовую специфику, создавал все богатство отношений – мифологических, художественных, моральных, религиозных, научных. Вопрошая природу, он искал в полученных результатах своего вопрошания адекватный ответ. Общество при этом накапливало позитивный опыт и прилагало усилия для того, чтобы нейтрализовать отрицательный. Каждый опыт осмыслился и оценивался именно как ответ природы, первоначально воспринимавшейся в качестве живого начала. Означивание этого ответа также оказывается специфическим для каждой локальной культуры, и именно на определенной территории вырабатывается определенный язык, знаковые системы, способы и формы понимания смысла и т.д.

Природные условия диктовали многие составляющие человеческого общества, лежащие в основание его культуры. В одном из своих ранних произведений А.Ф. Лосев писал, что природу, материю «следует понимать личностно, с точки зрения категории личности» [4, с. 508–509]. Это может означать, что, составляя диалог с природой, человек и человечество ищет в ней не любой ответ, а лишь такой, который мог бы быть соотносимым с миром человека. Мир человека можно назвать неисчерпаемым, поскольку до сих пор мы не можем показать границ человеческих возможностей. Естественно, что мы имеем в виду не конечные возможности конечного человека, а его возможности как родового существа. Стало трюизмом говорить о том, что человеческое сознание активно задействовано лишь на 3–5 %. Леонардо да Винчи в свое время несколько в другом контексте гениально заметил, что мозги не портятся от работы – они ржавеют от неупотребления. Безмерность человека – это те возможности, использование которых делает человека личностью и, с точки зрения современного человека,

личностью незаурядной. Движение человека к совершенству – это движение его к познанию и реализации своих возможностей.

Однако потенциальной безмерности человека противостоит другая безмерность – реальная безмерность и бесконечность природы. Поэтому диалог человека с природой может протекать как поиск границы, до которой может дойти человек в своих отношениях с ней, в своем вторжении в ее законы и тайны. Именно здесь возникает то понимание меры, которое определяет состояние человеческого бытия, именуемого культурой. Мера, отделяющая культуру от любого вида варварства – цивилизованного или дикарского, вступает как соединение безмерного с человеческим. По мере своих человеческих возможностей, по степени освоения природного начала человек строит свой диалог с окружающим миром, сначала природным, а затем и социальным. То личностное начало, о котором говорит Лосев, становится мерой человеческого в объективном мире и, повторим, реализуется как определенное состояние бытия.

Такое состояние бытия включает в себя все формы диалога, все знаковые системы и, главное, характеризует тот уровень интеллекта, который и определяет личностное начало в понимании окружающего мира. Добавим: и в его освоении. Пространство интеллектуальной культуры тем обширнее, чем глубже проникновение в законы окружающего мира. Этот же процесс связан не только с наличием предыдущего знания, но и с максимально возможной полнотой самосознания. Человек, состоявшийся как личность, – это человек, обладающий не только разумом, но и ответственностью, в силу этого он в состоянии реализовываться в мире как существо свободное и достойное. Наличие самосознания предопределяет и наличие совести, требующей от человека чести, долга и справедливости. Мера всех этих качеств определит и меру культуры человека. Естественно, что такого рода мера связана не только с выбором отдельного человека, но и с условиями существования общества в целом, со всем контекстом культуры в целом. Таким образом, понимание культуры как состояния человеческого бытия позволяет исследовать практически все культурные феномены в их взаимосвязи, в процессе постоянной изменчивости и статичности, т.е. диахронно.

Каждое отдельно взятое явление культуры, каждый его артефакт, как и монада Лейбница, обладает некоторым «активным стремлением, упорядоченным в виде структуры отношений» [2, с. 341]. В каждой такого рода культурной «точке» сосредоточены разнокачественные силы, связанные как с преобразованием мира человеком, так и с опредмечиванием его «сущностных сил», каждая «точка» обладает своего рода активностью, либо потенциальной, либо актуальной, поэтому каждое культурное явление – это не просто запечатленное действие человека, но и принцип этого действия.

Поэтому понимание монады как физической «точки», расположенной на «мировой линии» и обладающей духовностью, жизнь которой заключается не только в не ведающей покоя активности, но и в сознании, ведет к идее общего одухотворения всех явлений мира. Однако если мы рассмотрим с этой точки зрения культуру, в которой присутствует «схваченный» и запечатленный дух человека, то любая единица (монада) культуры действительно окажется бесконечно меняющейся и в то же время сохраняющей свою качественную определенность; каждая из них представляет собою некий «центр сосредоточения разнокачественных» сил.

Таким образом, именно в культуре не только возможно, но и закономерно рассмотрение каждой культурной монады по аналогии с человеческим «я», что делает возможным понимание мира «с точки зрения категории личности».

Согласно третьему принципу метода Лейбница, монады (и культурные в том числе) отличаются друг от друга, но в то же время обладают определенным сходством, в

результате чего образуют различные группы и виды единого монадного (культурного) множества. Каждое множество монад похоже на республику: подобно душам людей, каждая из них – обособленный мир, обладающий своим духовным содержанием [2]. Итак, явления культуры при всем их бесконечном разнообразии составляют всеобщую последовательность, систему, в которой каждая культурная единица связана со всеми, она обусловлена и одновременно ограничена ими. В каждой такой единице можно обнаружить область взаимовлияния и область единичности, неповторимости, область «новизны» и рудимент прошлых состояний. В этом состоит преемственность культуры: в каждом новом ее явлении всегда содержатся в «свернутом» виде те слои, которые являлись исходным состоянием или материалом. Из этого вытекает положение о том, что развитие культуры ничем, нигде и никогда не может быть остановлено. Естественно, что на пути этого развития нередко происходят попятные движения: в мире явлений это называют смертью, а в мире сущностей, каковым и оказывается мир культуры, – «инволюцией» монад. Происходит временное возвращение каких-либо культурных субстанций на более низкий уровень духовной жизни. Кроме того, нет гарантии, что после каждого такого возвращения сразу же снова последует подъем на ранее достигнутый, а тем более на еще более высокий уровень. К примеру, приблизительно к XVIII в. до н.э. на территории Индии расцвела Хараппская культура, в Европе существовала вполне развитая культура этрусков, предшествовавшая римской. С одной стороны, их гибель кажется мало отразившейся на более поздних культурах, но при этом ни один исследователь той или иной культуры не преминет найти следы этих более высоких культур в тех, которые им наследовали. Однако в целом, если мировую последовательность Лейбница $dx \rightarrow \infty$, где математические знаки употреблены иносказательно, представляя собой общий принцип изменчивости, истолковывать как схему истории бесконечного развития культурных единиц, окажется, что она имеет силу для любой из них. Это значит, что сознание каждой единицы культуры, а также и всего их множества развивается по бесконечному, никогда не завершающемуся пути расширения всех видов культурного пространства, понятого «с точки зрения категории личности».

Итак, линия $dx \rightarrow \infty$ устремлена в беспредельность. У беспредельности нет конечного предела, но есть «предел» бесконечный, если саму беспредельность интерпретировать как предел! Следовательно, нет предела совершенствования по крайней мере трех видов бытия: бытия общества, бытия человека и бытия культуры. Этот процесс совершенствования раскрывает себя в постоянных усилиях человечества по гармонизации всей системы своих отношений с миром. С одной стороны, такие усилия представляют собой поиск меры в сфере деятельности, в качестве той активности, которой наделено любое состояние жизни. С другой стороны – это стремление к тому, чтобы все противоречивые тенденции разнообразия и многообразия стали причиной и источником обретения целостности и единства [1, с. 20].

Harmonia praestabilitata [лат. – *предустановленная гармония*] Лейбница рассматривалась в трех различных, но взаимосвязанных значениях:

1. Прошлое состояние каждой монады определяет ее будущие состояния, т.е. последующие страницы биографии монады предрешены ее самыми первыми. На современном этапе состояния научного знания синергетический подход к рассмотрению информационных процессов общества позволяет преодолеть фатализм этого положения.

2. Состояния всех монад в один и тот же момент времени гармонизированы друг с другом, что одновременно зашифровывает мир на уровне явлений и разъясняет этот шифр на уровне сущностей. И это качество гармонизации мира с успехом рассматривает семиотика, двигаясь от внешней стороны знака к его смыслу.

3. Духовное содержание каждой монады и их частных систем теперь, в прошлом и будущем гармонизировано с телесной формой его проявления [3, с. 243, 326].

Гармонизация как способ существования культуры есть сущностная причина того, что любое изменение любой единицы принуждает все множество культурных явлений взаимоприспособиться друг к другу и ограничивать друг друга [3, с. 72]. В результате «все находится в связи в каждом из возможных миров; Вселенная, какова бы она ни была, в совокупности есть как бы океан; малейшее движение в нем распространяет свое действие на самое отдаленное расстояние, хотя это действие становится менее чувствительным на расстоянии» [5, с. 320].

Мы живем в том мире, в который пришли. Мы не можем знать наверное существует ли для нас альтернатива этому миру. Но мы можем с полной уверенностью утверждать, что мир культуры развивается, а значит, продолжает совершенствоваться. В каждый момент его существования в нем реализуется максимум реально возможного и разнообразного для этого момента именно в рамках данного мира. Иначе говоря, наш мир и совершенен, и не совершенен. Это противоречие возникает от столкновения диалектического по своей природе понятия «развитие» с метафизическим понятием «наибольшее совершенство».

Лейбниц выдвинул логические основания, по которым совершенство мира может состоять только в *процессе* его совершенствования. Если бы все возможное для нашего мира было полностью реализовано, то мир погрузился бы в пучину абсурда.

Эта логика Лейбница, как и логика последующих теорий просветителей, снова приводит нас к осмыслению того, что культура представляет собой также и сферу свободы, без которой мир был бы лишь унылым механизмом раз и навсегда утвердившихся артефактов. Именно бесконечное и постоянное движение человека и человечества к совершенству, каким оно представляется данной эпохе в силу наличного состояния его бытия, становится в конечном счете путем гармонизации всей системы отношений «природа – человек», «человек – общество», «человек – человек». Предполагая наличие предустановленной гармонии, Лейбниц отказывается признать мир вне его постоянной изменчивости и развития совершенным, ибо совершенство есть свобода. Но мир, в котором царит свобода воли, может оказаться во власти произвола, тогда из него вместе с предустановленностью исчезают также и гармония, и совершенство. Именно это состояние мира и вызывает наиболее серьезные опасения в самом существовании человечества. Произвол неведения, – считал Лейбниц, – ведет ко злу, а полнота знания неуклонно поворачивает человека на путь добра.

Долгое время такие взгляды вызвали упреки в идеализме, однако путь человечества к совершенству на данном этапе его существования многократно подтвердил их правоту. Человечество сейчас, как никогда ранее, стоит перед угрозой глобальной катастрофы. Культура как поиск гармонизации состояния человеческого бытия способна, с нашей точки зрения, создать тот мост от мира природы к миру свободы, о котором писал Кант; культура может привести к тому, чтобы диалог человека со всеми другими составляющими универсума оказался продуктивным. Следовательно, понимание культуры как системной целостности предполагает не только знание о ее процессах, но действия в поисках соответствия множества ее составляющих, принятия их единства и разнообразия в качестве единственно возможного способа существования человечества. «"Разлитая" в мире гармония, – писал современный ученый В.М. Видгоф, – определяет целесообразность этого мира и стабильность его как саморазвивающейся системы. Притом гармония в мире существует как "миг", как момент снятия противоре-

чия и как тенденция. Последнее характеризует гармонию как развивающуюся, как процесс превращения “мига” в вечность» [1, с. 20].

Именно с этими превратившимися в вечность культурными феноменами имеет дело существующее поколение. И вопрос о будущем человечества упирается не столько в сохранение этих ценностей культуры, сколько в умение освоить эти ценности, уметь ими пользоваться в соответствии с присущей им мерой и в творческой деятельности живущего поколения.

Таким образом, завершив определенный круг рассуждений, начатый с поиска целостности культуры в сфере смысла принятого человечеством термина, мы снова вернулись к проблеме целостности на базе выработки нового осмысления культуры. Это осмысление привело к поискам не столько новой дефиниции, сколько возможностей проникновения в сущность изучаемого явления. Приняв за наиболее открытую анализу форму существования культуры пространственную его характеристику, мы выделяем в качестве его основных видов природную, социальную, коммуникационную и интеллектуальную компоненты. Это позволяет прийти к пониманию мировой культуры как единого пространства деятельности людей, как единого пространства диалога, включающего в себя все основные формы отношений двух равновеликих универсумов: универсума природы и универсума человеческого общества.

Библиографический список

1. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 153 с.
2. Лейбниц Г.В. Избранные философские произведения. М.: Образование, 1908. 338 с.
3. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 484 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
5. Нарский И.С. Западно-европейская философия XVII века. М.: Высш. шк., 1974. 379 с.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2004. 544 с.

Byistrova A.N. The Culture as Integrated System. The article considers culture as a condition of human being, including dynamics and statics, unfolding both in time and in space in the unity and uniqueness of each of its elements.

Key words: *culture, system integrity, cultural space, isotropism, cultural monad.*

Быстрова Анна Натановна — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и культурология» СГУПС. Область научных интересов: проблемы культуры, образования, личностного становления. E-mail: natanovna@ngs.ru